

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТ

2

ЯНВАРЬ

1990

ЯНВАРЬ

ПЕРЕСТРОЙКА: ТЕОРИЯ И ОПЫТ

Е. ГАЙДАР

ТРУДНЫЙ ВЫБОР

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ ПО ИТОГАМ 1989 ГОДА

К началу 1989 года, когда проблемы расстройтва государственных финансов оказались наконец в центре внимания, инфляционные процессы уже приобрели собственную инерцию и контроль над динамикой денежных доходов населения был утрачен. Перед правительством встала дилемма: либо решительные меры по финансовому оздоровлению и углубление реформы, либо ужесточение контроля над оплатой труда и ценами, усиление административной регламентации хозяйственной жизни, то есть отступление. Все социалистические страны, пытавшиеся преобразовать систему хозяйствования, сталкивались с аналогичной альтернативой. Пример первого пути — Китай в начале восьмидесятых годов, второго — демонтаж механизмов экономической реформы в конце шестидесятых годов в СССР. В прошлом году нам снова предстояло сделать выбор.

Характерной чертой минувшего года стало противоречивое сочетание недостаточно последовательных антиинфляционных мероприятий с вынужденными шагами, подрывающими действенность введенных экономических регуляторов. Традиционная административная система управления уже не способна нормально обслуживать воспроизводственный процесс, а условия для эффективного действия рыночных механизмов созданы не были. Возникает своеобразная ситуация хозяйственного безвластия. Если и здесь искать исторические аналогии, то развитие событий больше всего напоминает Польшу второй половины семидесятых годов.

1

В краткосрочной перспективе интенсивность инфляционных процессов в экономике определяется тремя важнейшими параметрами. Это сальдо доходов и расходов государственного бюджета, капиталовложения предприятий, а также объем сбережений предприятий и населения. Когда добровольные (а не вынужденные, как у нас сегодня) сбережения велики, можно позволить себе иметь крупный дефицит государственного бюджета или в широких масштабах экспортировать кредитные ресурсы. Если сбережения небольшие, приходится либо жестко ограничивать расходы мобилизуемыми на здоровой основе доходами, либо завозить капитал из-за границы, становиться должником. Если ни то, ни другое сделать не удастся, нарастание инфляции неизбежно.

В минувшем году факторы, позволяющие рассчитывать на усиление стимулов к сбережениям, задействованы не были. Ответственность предприятий за уровень платежеспособности оставалась низкой (просроченная задолженность по краткосрочным ссудам и взаимным расче-

там на 1 декабря 1989 года — 31,6 миллиарда рублей). Средняя процентная ставка по краткосрочным кредитам составляла 2,8 процента, долгосрочным — лишь 0,82 процента годовых, то есть она была явно ниже темпов обесценения денег. Иначе говоря, брать в долг и не возвращать в срок занятые деньги однозначно выгодно. Серьезным фактором, подрывающим заинтересованность в денежных сбережениях, стали все более настойчивые разговоры о грядущем обмене денег. И если, несмотря на это, продолжали расти остатки средств на счетах предприятий и вклады населения, объяснить это можно лишь тем, что данный процесс носил принудительный характер. Он отражал лишь нарастающий дефицит ресурсов.

Капиталовложения, финансируемые за счет собственных средств предприятий, хотя и более медленными темпами, чем в 1988 году, продолжали увеличиваться. В этой ситуации вся тяжесть антиинфляционной политики объективно ложилась на государственный бюджет. Требовались срочные и энергичные меры по резкому сокращению его дефицита.

Утвержденный на 1989 год бюджет еще в полной мере продолжал опасный курс на углубление финансовых диспропорций, по которому правительство шло в первые годы пятилетки. В начале года начинается поиск путей, позволяющих стабилизировать положение. Многие предусмотренные в это время меры остались на бумаге. Например, задание по реализации кооперативам и населению запасов продукции производственно-технического назначения на 1,6 миллиарда рублей за год было выполнено всего на 2,3 процента. От некоторых мер пришлось вообще отказаться как от политически неприемлемых.

Однако, как и можно было предполагать («Коммунист», 1989, № 2), основное внимание оказалось прикованным к оборонным расходам, централизованным государственным капиталовложениям и использованию валютных ресурсов. По этим направлениям политика становится более рациональной. Вопрос о сокращении расходов на оборону впервые за последнюю четверть века переводится в практическую плоскость. На 7,5 миллиарда рублей уменьшаются только что утвержденные в плане лимиты централизованных инвестиций. После тяжелой борьбы начинается перераспределение валюты с целью увеличения закупок промышленных товаров народного потребления.

Абсолютно необходимые, давно назревшие антиинфляционные меры. Но, к сожалению, явно недостаточные по масштабам. Ведь параллельно возрастает социальная нагрузка на государственные финансы. Продолжают быстро увеличиваться размеры дотаций, особенно направляемых в агропромышленный комплекс. Не удается переломить тенденцию к снижению отчислений в бюджет из прибыли. В целом дефицит бюджета не сокращается. Он стабилизируется на опасном уровне 10 процентов валового национального продукта и остается сильнейшим катализатором инфляции.

Есть простой критерий оценки действенности финансового регулирования в условиях реформы: позволяет ли оно последовательно снимать административные ограничения динамики цен, заменять приказания контролем совокупного спроса? Ведь рынок без цен, балансирующих спрос и предложение, это весьма странный и малоэффективный механизм. Именно с этой точки зрения слабость проводимой политики проявилась предельно четко. Конец года ознаменовался принятием комплекса мер, направленных на ограничение и без того скромных прав предприятий в ценообразовании. Не сумев остановить волну инфляции финансовыми средствами, мы вновь пытаемся побороть экономические законы силой приказа.

Быстрый рост денежных доходов населения, к которому в истек-

шем году было приковано всеобщее внимание, — не причина финансовых проблем, а их следствие. Сочетание инфляции и регрессивного налогообложения, при котором быстрый рост прибыли предприятий идет на фоне сокращения государственных доходов, — хорошо известный, проверенный путь к развалу финансовой системы. Когда размеры фондов экономического стимулирования предприятий за год почти удваиваются, накапливаемые в них средства так или иначе должны пробить себе дорогу, выплеснуться в налично-денежные выплаты.

Конечно, правительство не могло равнодушно наблюдать, как эти средства обрушиваются на потребительский рынок, делая безнадежными любые усилия, направленные на его стабилизацию. Оно предпринимает попытки ограничить рост зарплаток, сначала восстанавливает контроль за соотношением роста оплаты и производительности труда, затем вводит налогообложение прироста фонда заработной платы. Но и предприятия не склонны смириться с тем, что замораживаются средства, которые они на законных основаниях считают своими. Естественная ответная реакция — сокращение производства остро необходимой продукции, требование налоговых льгот. А в результате — падение темпов экономического роста, обострение трудовых конфликтов. Быстрый рост номинальных денежных доходов населения на фоне стагнирующего производства, нарастающее влияние подавленной инфляции на все процессы — вообще характерная черта безвластия в экономике. Например, в Польше в 1977—1980 годах средняя заработная плата возросла на 41 процент, а национальный доход не увеличился.

Иерархические связи, так или иначе регулировавшие ранее воспроизводственный процесс, в минувшем году явно ослабли. Предприятия в массовых масштабах отказываются принимать госзаказ или срывают его выполнение, отгружают продукцию внеплановым, более выгодным потребителям, способным что-то предложить взамен. При неплохом урожае зерновых, значительно более высоком, чем в 1988 году (соответственно 211 и 195 миллионов тонн), государственные закупки зерна заметно сократились. Регионы срывают поставки продовольствия в общесоюзные фонды (выполнение плановых поставок мяса в 1989 году: Латвия — 71 процент, Эстония — 80, Молдавия — 83). Продукция ввозится в страну и вывозится из нее в обход всякого лицензирования, установленных ограничений. Министерства мало чего могут добиться приказом. Их главное сохраняющееся пока средство воздействия — монополия на поставки материалов, комплектующих изделий.

Хотя административные ограничения еще позволяют сдерживать темпы роста цен на относительно низком уровне, складывается ситуация, хорошо известная исследователям гиперинфляции. Деловая активность переключается с поиска путей повышения эффективности производства на спекулятивные операции. Предприятия стремятся как можно скорее избавиться от денег, вложить их в любые виды материальных ресурсов. Предпочтение отдается безденежному натурообмену. Впрочем, это относится только к отечественным деньгам, параллельно расширяется сфера операций с расчетами в валюте, начинается процесс «долларизации» экономики.

Существенная деталь: если в 1986—1987 годах под влиянием более жесткой кредитной политики темпы роста оборотных средств в запасах товарно-материальных ценностей замедлились, то в 1988 году они вновь выросли на 9,4 миллиарда рублей. Процесс их быстрого увеличения продолжался и в истекшем году. На 1 октября совокупные запасы товарно-материальных ценностей достигли 542,9 миллиарда рублей, превысив нормативный уровень почти на 247 миллиардов рублей. Часть материальных ресурсов обслуживает натурообменные операции, выполняющая роль средств обращения. Пожалуй, сейчас у нас сложилась самая громоздкая и дорогая денежная система в мире.

Регулировать и прогнозировать ресурсные потоки, опосредуемые бартерными сделками, отнюдь не просто. Велика роль случайных факторов, таких, как доля продукции, которой предприятия могут распоряжаться самостоятельно, ее пригодность для обмена. В этой ситуации важнейшие отрасли оказываются в опасном положении. Если, например, электроэнергию трудно обменять на необходимые производственные ресурсы, это еще не значит, что без нее можно обойтись.

Расширение самостоятельности республиканских и местных органов власти в регулировании социально-экономического развития территорий — естественный процесс, неотъемлемая составная часть реформы. Самоуправление не может быть эффективным, если оно не опирается на автономию республиканских и местных бюджетов, если расходование каждой копейки санкционируют и контролируют вышестоящие органы. Но сейчас явно обозначились тенденции регионализации экономики, идущие гораздо дальше в направлении местной замкнутости. Повсюду обсуждаются вопросы о том, как не допустить вывоза товаров из региона, предотвратить реализацию сверхплановой продукции за пределы области, заставить предприятия общесоюзного или республиканского подчинения работать на нужды района, города, области. Вакханалия местного протекционизма способна привести в ужас любого здравомыслящего экономиста, отдающего себе отчет в ее последствиях. Последний раз в крупных масштабах такая эпидемия охватила мир в конце двадцатых — начале тридцатых годов. За нее пришлось заплатить беспрецедентной в истории глубиной экономического кризиса. Но замыкание хозяйственных связей в регионах — лишь естественная реакция на развал приказной системы регулирования, не компенсированный формированием полноценного рынка.

2

На фоне расстройтва финансов и денежного обращения производственная подсистема народного хозяйства до последнего времени демонстрировала сравнительно высокую устойчивость. Инерционность советской экономики, которую столько раз и не без основания ругали, здесь сыграла роль мощного стабилизатора (см. таблицу).

Таблица
Темпы прироста (в процентах, по методологии, сопоставимой с планом)

Показатели	Средне- годовые в 1981—1985 гг.	Средне- годовые по плану две- надцатой пя- тилетки	1988	1989
Произведенный национальный до- ход	3,2*	4,2	4,4	3,0**
Продукция промышленности	3,6*	4,6	3,9	1,7
Продукция сельского хозяйства	1,0	2,7	1,7*	0,8

* Уточненные данные Госкомстата СССР.

** С учетом фактического изменения цен — 2,4 процента.

До конца 1988 — начала 1989 года в основном удавалось избежать значительного внепланового падения производства важнейших видов продукции. Однако примерно с середины 1989-го под влиянием роста социальной напряженности кризисные явления все в большей мере распространялись и на сферу производства.

Начала повышаться себестоимость промышленной продукции. В РСФСР прирост промышленного производства в первом полугодии составлял 2,1 процента, а в третьем квартале он упал до 0,6 процента. В целом по стране темпы снизились соответственно с 2,7 до 1 процента.

За 1989 год из 144 важнейших видов промышленной продукции, учитываемой в срочной отчетности, по 64 выпуска сократился по сравнению с 1988 годом. За год производство нефти и газового конденсата упало на 17 миллионов тонн, угля — на 32 миллиона тонн, минеральных удобрений — на 2,9 миллиона тонн, легковых автомобилей — на 44 тысячи штук. Отнюдь не во всех случаях снижение объема производства — повод для тревоги. Важно другое. По многим видам продукции этот процесс идет вопреки четко зафиксированному в плане намерению наращивать выпуск. Центр все в меньшей мере управляет ситуацией.

Особенно наглядно проявляется утрата контроля в сфере капитальных вложений. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 марта 1989 года очередной раз было сказано о необходимости ограничить фронт строительства, ужесточить требования к соблюдению его нормативных сроков. На практике же в истекшем году события развивались прямо противоположным образом.

Полная сметная стоимость производственного строительства выросла на 32,4 миллиарда рублей. Количество временно приостановленных и законсервированных объектов составило 24,6 тысячи, но зато было открыто строительство 146,6 тысячи новых объектов. Средняя расчетная продолжительность цикла производственного строительства выросла на 6 процентов, по-прежнему более чем вдвое превышает нормативный уровень. Ввод в действие основных фондов после 1987 года даже в рублевом исчислении снижается. По предварительным данным, объем незавершенного строительства за счет государственных капиталовложений за год вырос примерно на 20 миллиардов рублей.

Первые годы пятилетки прошли под знаком попыток ускорить экономический рост за счет резкого увеличения капиталовложений. Их самым весомым результатом стало около 60 миллиардов рублей прироста незавершенного строительства, воплотившиеся в открытых котлованах, заложенных фундаментах, недостроенных коробках. И в этом отношении ситуация напоминает Польшу семидесятых годов.

Общая дезорганизация строительства не могла обойти стороной и социальную сферу. Достигнутые здесь в 1985—1987 годах сдвиги, существенное увеличение ввода жилья, больниц, школ стали, пожалуй, самым наглядным свидетельством поворота экономики к человеку. Но даже приоритетную отрасль нельзя отгородить от народнохозяйственных процессов. Несмотря на предпринимаемые и в центре, и на местах усилия, объемы построенного жилья за счет государственных капиталовложений со второй половины 1988 года стали снижаться. Этот процесс не удалось остановить и в истекшем году. За год ввод общей площади жилых домов сократился на 4 процента, школ — на 9, больниц — на 16. Очередь на улучшение жилищных условий продолжает расти, к концу 1989 года в ней уже стояло около 14 миллионов семей.

3

Важнейшим фактором, определившим положение на потребительском рынке в истекшем году, стала гонка денежных доходов населения и продажи спиртного. Были моменты, когда казалось — еще жемного, и водка победит. Прирост реализации винно-водочных изделий составил 24,3 процента. Налог с оборота от их продажи на 8,2 миллиарда превысил уровень 1985 года. В первом полугодии сокращение товарных запасов в розничной торговле приостановилось, они даже

выросли на 0,6 миллиарда рублей. Однако опыт еще раз показал, что обогнать печатный станок невозможно. Денежные доходы населения возросли за год примерно на 13 процентов. Только выплаты по фонду оплаты труда в народном хозяйстве увеличились на 45 миллиардов рублей. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих росла примерно в три раза быстрее, чем намечалось по плану. Во втором полугодии процесс сокращения товарных запасов возобновился, объемы их уменьшились примерно на миллиард рублей и к концу года были почти на 11 миллиардов рублей ниже норматива.

В такой ситуации рост производства лишь едва заметно влияет на степень дефицитности конкретных групп товаров. Положение определяют подвижки платежеспособного спроса, обусловленные ростом номинальных доходов, и волны потребительской паники. Например, выпуск швейных машин в 1985—1989 годах возрос лишь на 3 процента. Производство стиральных машин, напротив, росло довольно быстро, их выпустили на 1,6 миллиона штук (на 32 процента) больше, чем в 1985 году. В продаже, однако, нет ни того, ни другого. Поставки холодильников в торговлю в 1985—1989 годах не только не увеличились, а даже сократились, сказывался рост их реализации по экспорту. Поставки цветных телевизоров выросли в 1,5 раза. Запасы тех и других товаров в розничной торговле сократились, сигнализируя об обострении дефицита.

Пожалуй, больше всего в минувшем году говорили и писали о положении с мылом, синтетическими моющими средствами. Неоднократно на высоком уровне проводились совещания, наказывали виновных. Сконцентрировав здесь значительные ресурсы, удалось на 128 тысяч тонн поднять объем их производства. Почти в 10 раз вырос импорт. Поставки в торговлю возросли на 45 процентов. И тем не менее товарные запасы продолжали сокращаться. На 1 декабря 1989 года они были в 2—4 раза ниже, чем в 1985 году. В 78 процентах обследованных Госкомстатом СССР городов продажа моющих средств осуществлялась по талонам. А тем временем, пока силы и внимание высших органов управления были сконцентрированы на решении мыльной проблемы, в круг дефицитных товаров попали тетради, карандаши, писчая бумага, зубные щетки, домашняя обувь, пионерская форма, керосин и многое другое.

Процесс развития нормированного снабжения продолжался. Практически повсеместно по карточкам продавали сахар. Из 146 обследованных городов мясо и птица распределялись по карточкам в 33, животное масло — в 20, чай — в 16. Несмотря на быстрый рост производства водки, она продавалась в 16 городах по талонам. Быстрое сокращение запасов целого ряда товаров повседневного спроса создает объективные предпосылки дальнейшей экспансии карточной системы.

Производство товаров народного потребления за год предполагалось увеличить на 10 процентов. Выполнить план не удалось. Торговля получила товаров на 13,5 миллиарда рублей меньше, чем намечалось.

Поставка продуктов питания осталась на уровне 1988-го года. Наиболее доступные резервы наращивания реализации мяса, связанные с сокращением поголовья, были в основном использованы в предшествующие годы. Несмотря на продолжающиеся массивные закупки кормов (импорт зерна за 9 месяцев увеличился на 4,6 миллиона тонн), рост производства мяса, молока затормозился. Продолжали сокращаться поставки рыбы. За год цены колхозного рынка на картофель повысились на 8 процентов, на овощи — на 10. Это стимулирует переключение спроса на муку, крупы, макаронные изделия. Хотя их реализация и не сократилась, в торговле этими товарами возникли серьезные перебои. В ноябре мука отсутствовала в продаже в 5 процентах обследованных городов, геркулес — в 47 процентах, макароны — в 48 процентах городов.

Если исключить прирост реализации, полученной за счет спиртного, импорта, повышения цен, продажи товаров предприятиям и организациям, остаток (порядка 6 миллиардов рублей) характеризует результаты работы всех отраслей народного хозяйства по наращиванию выпуска потребительских товаров. Методика, позволившая при этом запланировать на 1990 год увеличение выпуска товаров народного потребления на 66 миллиардов рублей, вызывает немало вопросов.

4

Когда общество раздирают обостряющиеся социальные противоречия, особенно велик соблазн решать постоянно возникающие проблемы в производственной сфере и на потребительском рынке за счет роста внешней задолженности.

В Польше импорт из развитых капиталистических стран в 1971—1978 годах увеличился в 5,5 раза. Миллиарды долларов были вложены в крупномасштабные малоэффективные инвестиционные проекты. Добиться адекватного роста выпуска конкурентоспособной продукции не удалось. Страна все в большей мере была вынуждена полагаться на внешние кредиты, чтобы как-то справиться с текущими проблемами. Пришлось отказаться от закупки материалов, комплектующих изделий, необходимых для нормального использования введенных мощностей. Вынужденное сокращение производства, реальных доходов населения сыграло роль детонатора социально-экономического кризиса.

В докладе правительства второму Съезду народных депутатов СССР было подчеркнуто, что дефицит валютного баланса — это дефицит особый, самый опасный и разрушительный из всех балансовых дефицитов. К сожалению, эту растущую озабоченность не удалось реализовать в действенных мероприятиях, направленных на сокращение неэффективного импорта, стимулирование экспорта. Внешнеэкономическое положение страны продолжало ухудшаться. В 1988—1989 годах общий объем экспорта увеличился на 0,1 процента, импорта же — вырос на 15,5 процента. Коэффициент обслуживания долга (отношение очередных платежей в погашение долгосрочных и краткосрочных кредитов и процентов по всем кредитам к валютным поступлениям) в текущем году превысит 35 процентов (Польша: 1975 год — 25 процентов, 1978 год — 61 процент). За 9 месяцев запасы неустановленного импортного оборудования возросли на 27 процентов. На 1 октября 1989 года они составили уже 5,8 миллиарда рублей.

Вот характерная ситуация, сложившаяся по нескольким объектам, сооружаемым в сотрудничестве с зарубежными фирмами.

Астраханский газовый комплекс. Резкое ухудшение экологической обстановки в низовьях Волги вынудило ограничить объемы производства на его первой очереди. Но и при использовании проектной мощности менее чем наполовину выбросы вредных веществ за первые 8 месяцев прошлого года превысили годовую норму. Несмотря на протесты Госстроя и Госкомприроды, отказавшихся утвердить проект второй очереди комплекса, строительство продолжается, все импортное оборудование и материалы на сумму 220 миллионов инвалютных рублей поступили на стройку.

Благовещенский комплекс по производству полиэфирного волокна. Строительство началось в 1985 году, сметная стоимость 1,2 миллиарда рублей. Закупленное в Японии оборудование поступает на стройку. Его не только негде монтировать, но даже негде нормально хранить, что, по всей видимости, позволит инофирмам полностью снять с себя ответственность за обеспечение работоспособности оборудования.

В последнее время наряду с ростом задолженности в конвертируемой валюте быстро увеличиваются и долги некоторым социалистическим странам. Это заставляет с особой тщательностью проанализировать обоснованность заключенных с ними контрактов.

Один из крупнейших интеграционных проектов — строительство Криворожского горно-обогатительного комбината окисленных руд. Стоимость 1,6 миллиарда рублей, осуществляется совместно с Чехословакией, Германской Демократической Республикой и Румынией. Рабо-

ты начаты в 1985 году, до утверждения проекта. Комбинат должен был войти в строй в 1990 году. К настоящему времени уже признано, что раньше, чем в 1994 году, окончить строительство не удастся. Стройбанк СССР в 1987 году обращал внимание правительства на то, что стройка ведется по нерентабельному проекту, не отвечающему требованиям научно-технического прогресса, что к моменту окончания расчетов с партнерами убытки СССР достигнут по меньшей мере 2 миллиардов рублей. Госстрой СССР в 1986 и 1987 годах рассматривал проект и оба раза возвращал его на доработку из-за неудовлетворительных технико-экономических показателей. В 1988 году была создана специальная межведомственная комиссия, которая пришла к выводу о неэффективности сооружения комбината, его несоответствии интересам СССР. Строительство продолжается.

«Коммунист» в прошлом году несколько раз поднимал вопрос о гигантском проекте, предусматривавшем создание в Тюменской области пяти нефтегазохимических комплексов («Коммунист», 1989, №№ 2, 5, 8, 11). Хорошее представление о дальнейшем развитии событий дает выступление депутата от Тобольского территориального избирательного округа В. Н. Матюхи на втором Съезде народных депутатов: «В мае 1989 года рабочая группа Государственной экспертной комиссии Госплана СССР, рассмотрев представленные материалы, пришла к выводу, что народнохозяйственная эффективность этого объекта не доказана, выполнение постановления в полном объеме нецелесообразно. Вопрос поднимался на первом Съезде народных депутатов, правительство изменило свою позицию и высказалось за создание в ближайшей перспективе лишь двух из пяти комплексов — Тобольского и Сургутского. Их технико-экономическое обоснование было рассмотрено в Госстрое СССР. Основной вывод — предусматриваемые сроки ввода объекта в действие не обоснованы и принятие решения о подписании учредительных документов преждевременно. Внешэкономбанк СССР, рассмотрев проект, пришел к заключению, что предлагаемые западной стороной валютно-финансовые условия неприемлемы. Реализация проекта приведет к дальнейшему опасному росту внешней задолженности. Подчеркнуто, что задержка ввода хотя бы одного Тобольского комплекса на один год обернется для страны необходимостью погашения кредитов в размере 287 миллионов долларов. Реакция Совмина СССР на эти сомнения — постановление от 10 ноября 1989 года: оказывается, будем строить не два, а три комплекса. 28 ноября Минхимнефтепром СССР подписывает с инофирмами соглашение о создании совместного предприятия».

После всего этого появляется принятое 29 ноября постановление Государственной экспертной комиссии Госплана СССР, где указывается на необходимость пересмотра валютно-финансовых условий строительства Тобольского комплекса и непроработанность технико-экономического обоснования в целом по Сургутскому. Теперь оно имеет лишь историческую ценность. В 1990 году намечается выполнить строительно-монтажных работ по Сургутскому комплексу на 95 миллионов рублей, Тобольскому — на 18 миллионов, Новоуренгойскому — на 30 миллионов рублей.

Разумеется, неэффективные внешнеторговые сделки для нас не новость. Но если традиционные командные методы уже отказывают, а жесткой дисциплины рынка еще нет, риск неконтролируемого роста задолженности многократно возрастает. Когда контроль над инвестиционной сферой утрачен, за 11 месяцев удается ввести в строй лишь 34 из 367 важнейших объектов, входящих в государственный заказ, самое время втягиваться в масштабные закупки оборудования.

На предприятиях, входящих в состав Минхимнефтепрома СССР, Государственного газового концерна и ассоциации «Агрохим», сосредоточено на 1,2 миллиарда рублей неустановленного импортного оборудования. Но разве это сумма? Сейчас эти организации ведут переговоры о создании девяти крупных совместных предприятий, предполагающих валютные затраты в размере свыше 17 миллиардов долларов. Внешэкономбанк обращает внимание на то, что по всем этим проектам права и ответственность распределены неравномерно, практически весь риск ложится на нашу страну. Подчеркивает, что ни одна из проведенных экспертиз не подтвердила их экономическую эффективность, отсутствует независимый анализ рынков сбыта. Что вся эта плохо скоординированная деятельность крайне негативно сказывается на наших отношениях с зарубежными банками, ухудшая условия, на кото-

рых нам готовы предоставлять кредиты. А тем временем контракты подписываются, строительные работы разворачиваются.

Кто будет отвечать за неизбежные валютные потери страны, покажет время. Пока же лица, принимающие решения, явно уверены — никто. А раз так — можно тащить страну в долговую яму.

5

Важнейшим фактором, без учета которого невозможно понять народнохозяйственные процессы минувшего года, стала нарастающая политизация экономики. Еще в марте предпринимались попытки залатать дыры в бюджете традиционным фискальным путем. Переносятся сроки повышения не облагаемого налогом минимума заработной платы (годовая экономия — 110 миллионов рублей). Откладывается увеличение срока выплат пособий на детей в малообеспеченных семьях (экономия — 135 миллионов рублей), продолжительности частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком (экономия — 75 миллионов рублей). Отодвигается повышение мизерного заработка работников культуры (экономия — 70 миллионов рублей) и т. д. Экономически бессмысленные меры, мизерные суммы, несопоставимые с масштабами финансовых диспропорций, странный выбор социальных групп, которые должны платить за финансовое оздоровление. После весенних выборов народных депутатов СССР проводить такую линию стало невозможно. Размеры средств, выделяемых на решение социальных проблем, начинают быстро расти, а предусматриваемые на перспективу ассигнования теряют связь с реалиями тяжело больной экономики. На фоне справедливых тревожных слов о необходимости чрезвычайных мер экономии намечается чрезвычайная раздача денег.

Рост политической активности в условиях ухудшающегося экономического положения, нарастающего неверия в способность центральных органов решить давно назревшие проблемы неизбежно выплескивается в эскалацию требований, перераспределительный азарт. Доминирующий мотив в выступлениях на экономические темы: снизить налоги и выделить больше средств из бюджета, повысить оптовые цены и не трогать розничные, расширить права предприятий и освободить их от ответственности, предоставить новые кредиты и списать старые.

Трудовые конфликты и забастовки показали, что требования к государству можно подкрепить отнюдь не только страстными речами, есть мощные рычаги давления на органы власти. Успехи одной группы в защите своих интересов стимулируют усилия других.

До начала 1989 года определяющее влияние на хозяйственное развитие оказывала так называемая инфляция спроса, обусловленная просчетами в экономической политике, неумением привести средства, выделяемые на развитие различных отраслей, в соответствие с имеющимися финансовыми ресурсами. Затем ситуация изменилась. Нарастание социальной напряженности ограничивает свободу действий центра, само становится причиной явления, известного в экономической литературе как конфликтная инфляция.

Этот процесс возникает, когда общество глубоко разделено по принципиальным вопросам экономической политики, социальные группы не готовы приходить к согласию в поисках путей распределения ограниченных ресурсов и ни одна из них не сильна настолько, чтобы безоговорочно навязать свою волю другим. Шахтеры и железнодорожники, аграрии и кооператоры энергично отстаивают свои интересы. Их представители демонстрируют жесткую нетерпимость. А тем временем вопросы, по которым не смогли договориться в органах власти, решает печатный станок.

Известный американский экономист А. Хиршман, автор исследования инфляционных процессов в Латинской Америке, еще в начале шестидесятых годов отмечал, что конфликтная инфляция — это отнюдь не худшая замена гражданской войны. Но она может играть свою роль лишь тогда, когда цены определяются безличным механизмом рынка. В нашей стране, где общество считает правительство ответственным не только за цену мяса, но и за стоимость мехов, золота, деликатесов, — клапан, позволяющий сбрасывать давление, когда оно достигает опасного уровня, плотно закрыт.

Вспышка инфляции — ситуация, с которой сталкиваются самые различные по уровню развития и социально-экономической структуре страны. В мире накоплен богатейший опыт проведения антиинфляционной политики. Сроки и интенсивность возобновления инфляционных тенденций определяются специфическими факторами, но в самих механизмах краткосрочной стабилизации много общего. Шумно обсуждаемый пример Боливии, где без введения административного контроля цен и денежной реформы удалось остановить инфляцию, составлявшую тысячи процентов в год, практически за две недели, исключителен лишь по срокам, а не по существу.

И в наших условиях основные задачи и инструменты антиинфляционной политики вполне очевидны, никаких профессиональных тайн тут нет. Необходимо сократить темпы роста денежной массы (разумеется, речь идет не только о наличных деньгах, а о совокупности более широких денежных агрегатов, включающих наряду с прочим и средства на счетах предприятий). Резко уменьшить дефицит государственного бюджета, привести объем дотаций в соответствие с имеющимися финансовыми ресурсами. Временно снизить объем капиталовложений предприятий, разгрузить на этой основе базовые отрасли, обеспечив возможности сбалансированного снижения централизованных государственных капиталовложений. Начать свертывание гипертрофированных отраслей, неэффективных производств. Стимулировать сбережения, повысить ставку процента до уровня, балансирующего спрос и предложение, резко ужесточить санкции за неплатежеспособность. Отказаться от завышенного, нереального курса рубля, сформировать валютный рынок. Обеспечив контроль над динамикой совокупного спроса, начать размораживание цен.

Аналогичные по содержанию меры позволяли затормозить инфляцию странам, находившимся в несопоставимо худшем положении. У нас же возможности экономического маневра еще далеко не исчерпаны. Скажем, сокращение объемов инвестиционной деятельности, и в первую очередь централизованных капиталовложений, позволит высвободить значительную часть валютных ресурсов, направляемых на их обеспечение. Реализация через механизм валютного рынка хотя бы тех 25—30 процентов ресурсов конвертируемой валюты, использование которых не привязано к действующим жизненно важным производствам, позволила бы одновременно резко снизить бюджетный дефицит и сократить остатки средств фондов развития производства. Она стала бы серьезным шагом на пути к конвертируемости рубля.

Бояться искусственного занижения курса национальной валюты нет оснований. Эффективность такой политики в сочетании с жестким регулированием денежной массы подтверждена опытом ФРГ, Японии, новых индустриальных стран Азии, в течение длительного времени сознательно ее проводивших. Влияние падения курса национальной валюты на ускорение внутренней инфляции в СССР будет ограниченным из-за отрыва внутренних цен от цен мирового рынка.

Беда в том, что при всей экономической очевидности антиинфляционных мер их осуществление всегда политически крайне тяжело. Нет популярного, легкого пути, позволяющего сбалансировать притязания социальных групп и возможности экономики. Общество разделено в себе самом, заинтересованности в ограничении налогов, замедлении роста цен и ликвидации дефицита противостоит стремление сохранить те хозяйственные структуры, пусть неэффективные, но при-

вычные гарантии, которые только и могут существовать за счет непомерных налогов и инфляционного финансирования.

Важнейший социально-политический фактор сегодня — конфликт между агропромышленным комплексом, который пока не в состоянии производить продовольствие с общественно приемлемыми затратами, и потребителями, не собирающимися покрывать его фактические расходы. Государство в этом конфликте выступает в роли посредника, виноватого перед всеми. Размер направляемых в агропромышленный комплекс дотаций уже превысил 10 процентов валового национального продукта (в развитых капиталистических странах, на опыт которых нередко ссылаются, как правило, 1—3 процента) и продолжает быстро увеличиваться. Финансировать такой бурный рост за счет повышения налогов никто не готов. Остановить его — тоже.

Когда нет решимости достаточно жестко проводить политику сокращения совокупного спроса, остается надеяться на чудо, на то, что в расстроенной экономике с неработающим рынком удастся резко поднять эффективность хозяйствования, нарастить объем выпуска. Думаю, именно поэтому, а отнюдь не из-за непонимания реальных возможностей, безбрежный, ни на чем не основанный оптимизм остается отличительной чертой принимаемых планов.

Политика в демократическом или даже демократизирующемся обществе — это и искусство быть популярным, пользоваться поддержкой. Профессор Г. Стейн, председатель экономического совета при президенте во времена Р. Никсона, обращал внимание на то, что экономические программы президентов США сходятся в одном ключевом моменте. Они содержат обещание облагодетельствовать всех и при этом ничего не стоить никому или почти никому. Существует целая индустрия изготовления псевдонаучных поделок, позволяющих придать этой немудреной программе ореол интеллектуальной респектабельности. Занятие это в среде профессиональных ученых малоуважаемое, но зато весьма доходное. Бурная поддержка регрессивной денежной реформы как консерваторами, так и радикалами свидетельствует о том, что рынок таких идей формируется и в СССР.

При обсуждении денежной реформы, как правило, смешиваются две существенно разные задачи, которые предполагается решить с ее помощью. С одной стороны, это обеспечение социальной справедливости, изъятие денежных накоплений, имеющих нетрудовой характер, с другой — стабилизация положения на рынке. По существу же речь идет не о дополнении, а о выборе. При сложившемся распределении сбережений денежная реформа, ориентированная лишь на изъятие той части сбережений, которая явно не заработана, почти не скажется на объеме денежной массы, а неизбежное ускорение обращения денег подстегнет инфляцию. Как мера, направленная на обеспечение социальной справедливости, она крайне неэффективна. Высокостатусные группы, тем более активно включенные в функционирование теневой экономики, имеют наибольшие возможности трансформации денежных сбережений в другие формы или обхода устанавливаемых ограничений в обмене. Чтобы регулировать дифференциацию доходов, гораздо логичнее форсировать введение единой системы налогообложения на основе налоговых деклараций.

Реформа, позволяющая существенно сократить объем денежной массы на руках у населения, — крайне жесткое в социальном отношении мероприятие, серьезно задевающее интересы широких социальных групп. К тому же она способствует стабилизации экономики лишь в том случае, если государство уже справилось с текущими финансовыми проблемами, не нуждается в сбережениях населения для финансирования дефицита собственного бюджета. Когда эти предпосылки

созданы, но на рынок продолжает неудержимо обрушиваться поток ранее накопленных денег, может стать необходимым временное замораживание денежных средств населения. Сейчас ситуация принципиально иная — государству нужны кредитные ресурсы.

Но, впрочем, все это не имеет прямого отношения к делу. Ведь успех популярных идей отнюдь не связан с их вероятными практическими результатами. Куда важнее логика политической борьбы, массовая психология. Подавляющее большинство людей твердо знает, что нетрудовых сбережений у них нет. Предлагается универсальное средство решения экономических проблем, не задевающее почти ничьих интересов. Отвратительный враг, на борьбу с которым поднимают народ (организованная преступность), предстает в этих речах игрушечным, иначе его нельзя было бы победить картонным мечом регрессивной денежной реформы. Изобретают какую-то особую мафию: никогда неслыхавшую о существовании черного рынка валюты, о возможностях помещения средств в золото, драгоценности, антиквариат, наркотики, неспособную найти каналы перевода старых денег в новые. Мафию, могущество которой заключается не в отлаженной организации, информации и связях, а в мешках с обесценивающимися рублями. И поражают ее одним ударом.

Пока, говоря о пустых прилавках магазинов, мы употребляем образное выражение. Ведь кое-что на них все же осталось. По-настоящему опустеют они, если начнется массовое бегство от денег. Желающим понять, как это происходит, стоит почитать польские газеты начала восьмидесятых годов.

Недавно в Чили впервые после фашистского переворота прошли демократические выборы. Предшествующие состоялись в 1970 году. Тогда, подводя итоги своей безуспешной борьбы с конфликтной инфляцией, президент Э. Фрей писал: «С технической точки зрения процедуры сдерживания инфляции хорошо известны. Но то, что происходит здесь, напоминает положение, когда зовут доктора, а затем не хотят принимать лекарство. Проблемы в первую очередь политические. Все хотят, чтобы жертвы нес другой. Каждый год я представлял законы, которые позволяли бы контролировать инфляцию, и каждый год они не утверждались. И затем те же люди, которые отказывались принять эти законы, обвиняли правительство в инфляции».

Проще всего в ближайшее время не принимать дополнительных серьезных мер по стабилизации финансового положения и денежного обращения и продолжать линию на расширение самостоятельности предприятий, ее закрепление в новых законах. Беда в том, что при всей кажущейся политической привлекательности экономически такой курс наиболее опасен. Если следовать ему, хозяйственное развитие вскоре полностью выйдет из-под контроля государства, подавленная инфляция перейдет в открытую, а ответственность за это ляжет на правительство и правящую партию.

Только сочетание углубления реформы с действенной стабилизационной программой, позволяющей привести совокупный спрос в соответствие с предложением, может заложить основу устойчивого развития народного хозяйства. Несмотря на допущенные серьезные просчеты, у нас еще есть возможность, выбрав этот курс, выправить положение. Но надежду на успех дает лишь сильная, последовательная антиинфляционная политика. Попытки отложить, насколько возможно, принципиальные политические решения ведут к тому, что принимать их все равно придется, но в еще более сложной ситуации.